

Георгий Чулков

ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

М. Н. Ермолова

Оригинал находится здесь: [Серебряного века силуэт...](#)

В первый раз я увидел Ермолову, когда мне было лет девять, в доме у моего дядюшки, небезызвестного в свое время драматурга, ныне покойного В.А. Александрова, в чьих пьесах всегда самоотверженно играла Мария Николаевна, спасая их от провала и забвения. Ермоловой тогда было лет тридцать пять.

В доме моего дядюшки постоянно бывали актеры тогдашнего Малого театра — Ленский, Горев, Макшеев, Федотова... Я привык слушать их выразительные актерские интонации, мне нравились их не совсем обыкновенные жесты и позы, я жадно запоминал их рассказы, не всегда, впрочем, назидательные и педагогически полезные... Мария Николаевна бывала у моего дядюшки не часто, но мне посчастливилось увидеть ее раза три-четыре. И в тот памятный для меня вечер, когда я впервые увидел ее, она сразу меня пленила чем-то, и я навсегда остался ее верным поклонником, а между тем у меня, мальчугана, тогда произошел с нею весьма забавный спор об актерском искусстве.

Дело в том, что я с малых лет был страстным любителем декламировать стихи. Актеры знали мою слабость и забавлялись тем, что заставляли меня их читать. Никто меня не критиковал, и я принимал за чистую монету знаки одобрения, на которые не скупились благодушные служители Мельпомены¹. И в тот вечер меня заставили читать стихи. Я не смущаясь стал читать «Бесы» Пушкина. Я упивался музыкой метели и читал стихи, сохраняя, как мне казалось, все оттенки пушкинского ритма, и мне даже в голову не приходило, что можно стихи читать как-то иначе, на прозаический разговорный лад. Представьте себе мое удивление, когда неизвестная мне дама (я не знал еще тогда, что это была Ермолова) не совсем одобрила мое чтение. По свойственной ей прямоте и честности Мария Николаевна даже чтение девятилетнего мальчишки приняла всерьез.

— Ты, дружок, читаешь нехудо, — сказала она своим грудным и несколько глухим голосом, — но зачем ты так поешь? У тебя хорошо вышло, когда ты прочел «Страшно, страшно поневоле среди неведомых равнин». Мне даже самой страшно стало. Но не надо декламировать нараспев. Читай стихи просто, как мы все разговариваем в жизни.

Я почувствовал, что краснею; потупился и молчал.

— Что ж ты молчишь? — спросила Мария Николаевна. — Разве не согласен?

— Нет, — пробормотал я, изнемогая от смущения. — Надо нараспев. Так лучше.

— Ах, какой упрямый! — сказала Мария Николаевна без гнева, но совершенно серьезно.

Этот спор с Марией Николаевной, который вел я сорок лет тому назад, определил все мое дальнейшее понимание стихов и чтение их. Я так и не согласился с гениальной актрисой в